236 442

236 442

УШИНСКІЙ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ РУССКІЙ ПЕДАГОГЪ.

А. Рождествина.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1911.

М36 442

УШИНСКІЙ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ РУССКІЙ ПЕДАГОГЪ.

А. Рождествина.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1911.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
932923

Печатано съ разрѣшенія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.

Отдѣльный оттискъ изъ № 12 „Нач. Обуч." 1910 г.

Воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть народнымъ.

Сдѣлать серьезное занятіе для ребенка занимательнымъ—вотъ задача первоначальнаго обученія. Съ первыхъ же уроковъ пріучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствіе въ ихъ исполненіи.

Въ школьной скукѣ скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемѣрія, обмановъ и т. п. школьныхъ пороковъ. Уничтожьте школьную скуку—и вся эта смрадная туча, приводящая въ отчаяніе учителя, отравляющая свѣтлый потокъ дѣтской жизни, исчезнетъ сама собою.

Ушинскій.

I.

Имя Ушинскаго принадлежитъ къ числу тѣхъ славныхъ именъ, съ которыми тѣсно связанъ ростъ нашего національнаго самосознанія. Что Пушкинъ сдѣлалъ въ родной поэзіи, Глинка—въ музыкѣ, Ѳедотовъ — въ живописи, то Ушинскій произвелъ въ русской педагогикѣ. Онъ является первымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, народнымъ русскимъ педагогомъ. Вся жизнь его была посвящена выработкѣ такихъ педагогическихъ принциповъ, безъ которыхъ немыслимо правильное семейное и общественное воспитаніе. Въ высшей степени интересенъ тотъ путь, который прошелъ Ушинскій въ созданіи теоріи національнаго воспитанія и образованія.

Чувство здороваго національнаго, о которомъ онъ писалъ въ своихъ научныхъ сочиненіяхъ и которымъ проникнуты его книги, предназначенныя для школы, было передано Ушинскому отъ родителей. Не даромъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ любилъ говорить о врожденности національнаго характера [1]).

Подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ протекали дѣтскіе годы Ушинскаго, это чувство росло и крѣпло съ каждымъ днемъ. Особенно большое вліяніе на Ушинскаго оказывала мать своимъ кроткимъ, мягкимъ характеромъ и живымъ религіознымъ чувствомъ. Слѣды этого вліянія мы находимъ въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Ушинскаго, вошедшихъ въ „Родное Слово“.

Огромное значеніе въ развитіи духовнаго склада Ушинскаго имѣла малороссійская природа, среди которой онъ проводилъ свое дѣтство. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Ушинскій, вспоминая свои дѣтскіе годы, восклицаетъ: „А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы,—что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ дополняетъ эти мысли такими конкретными впечатлѣніями: „Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ „кручинахъ“, нависшихъ надъ рѣкою, какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ

---

[1]) Отецъ Ушинскаго Дмитрій Григорьевичъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, былъ человѣкъ образованный, состоялъ на военной службѣ и принималъ участіе въ войнѣ 1812 года. Вышедши въ отставку, онъ поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губ., женившись на дочери мѣстнаго капиталиста Капписта. Отъ этого брака и родился Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій въ 1824 году.

ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и „впечатлѣнія бытія“ до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачомъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой“.

Какъ увидимъ ниже, эти раннія впечатлѣнія, заложенныя въ чуткую и богато одаренную душу мальчика, являлись какъ бы родникомъ, изъ котораго потокомъ лились педагогическія идеи Ушинскаго. И дѣйствительно, Ушинскій—педагогъ по самой своей природѣ. На каждой его мысли лежитъ отпечатокъ природнаго педагогическаго генія.

Но всякій врожденный даръ хирѣетъ, если онъ остается безъ просвѣщенія. Безпримѣрный поэтическій геній Пушкина никогда не достигъ бы своего гигантскаго развитія, если бы поэтъ въ просвѣщеніи не стремился „стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Такой же жаждой просвѣщенья горѣла и душа Ушинскаго.

Къ счастью, какъ средняя, такъ и высшая школа, въ которыхъ Ушинскій получилъ образованіе, вполнѣ удовлетворяли запросамъ любознательнаго юноши. Новгородъ-сѣверская гимназія, гдѣ обучался Ушинскій, управлялась директоромъ Ильей Ѳедоровичемъ Тимковскимъ, пользовавшимся заслуженной репутаціей отличнаго педагога. Лучшую оцѣнку учебно-воспитательной дѣятельности этого директора-педагога сдѣлалъ Ушинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ которомъ онъ обращается къ бывшему начальнику-учителю съ такими словами: „Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Московскій университетъ, на юридическій факультетъ котораго Ушинскій поступилъ въ 1840 году, находился въ цвѣтущей порѣ своего развитія; въ блестящемъ составѣ профессоровъ были такіе

выдающіяся имена, какъ Грановскій, Рѣдкинъ, Чивилевъ, Крыловъ и другіе. Вліяніе университета на Ушинскаго одинъ изъ біографовъ великаго русскаго педагога описываетъ такъ: „Къ лекціямъ Ушинскій относился съ большимъ увлеченіемъ. Онъ сразу почуялъ въ нихъ разумные, доказательные, научные отвѣты на всѣ тѣ затаенные вопросы, которые давно уже тѣснились въ его пытливомъ юношескомъ умѣ, угнетали его духъ, настойчиво требуя разрѣшенія".

Черезъ два года по окончаніи курса Ушинскій былъ приглашенъ попечителемъ Московскаго округа С. Г. Строгановымъ въ Ярославскій Демидовскій лицей на кафедру по энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансовой наукѣ. И вотъ здѣсь-то Ушинскій впервые заявилъ себя глубокимъ націоналистомъ. На торжественномъ собраніи лицея 18 сентября 1848 года онъ произнесъ рѣчь „О камеральномъ образованіи", въ которой, отвергнувъ нѣмецкую систему камеральнаго образованія, теоретически начертилъ новый планъ образованія. Согласно этому плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи, общества и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того, онъ указалъ на необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всѣми вообще условіями мѣстной жизни.

II.

Блестяще начатая профессорская дѣятельность Ушинскаго, къ сожалѣнію, должна была прекратиться. Оставивъ въ 1850 г. преподаваніе въ лицеѣ, Ушинскій посвящаетъ себя литературно-педагогической, а потомъ и педагогическо-практической дѣятельности. Характеренъ тотъ ближайшій поводъ, который заставилъ Ушинскаго взяться за изученіе дѣла образованія и воспитанія.

Когда редакторъ „Библіотеки для чтенія" Старчевскій прислалъ Ушинскому въ 1855 г. для отзыва англійскій журналъ „Athenaeum", то Ушинскій, прочитавъ въ этомъ журналѣ рядъ статей о воспитаніи и образованіи въ Америкѣ, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ. „Зачѣмъ, писалъ онъ подъ вліяніемъ этого чтенія Старчевскому, прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи „Athenaeum'а", не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня

на многія, совершенно новыя мысли, которыя безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ".

Дѣйствительно, педагогическая дѣятельность сдѣлалась для Ушинскаго родною сферой, съ которой онъ не разставался до конца своей жизни. И нужно радоваться, что Ушинскій выступилъ на педагогическое поприще въ такое время, когда „педагогическихъ вопросовъ" назрѣло очень много. Знаменитые „Вопросы жизни" Пирогова, напечатанные въ „Морскомъ Сборникѣ" въ 1856 г., всколыхнули общественное сознаніе и возбудили громадный интересъ къ воспитанію и образованію. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ выпало на долю, съ одной стороны, самого Пирогова, съ другой— Ушинскаго. Тотъ и другой педагогъ въ основныхъ взглядахъ на воспитаніе и образованіе шли рука объ руку.

Когда педагогическія статьи Пирогова вышли въ 1858 и 1861 г. въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, то Ушинскій посвятилъ имъ большую статью, въ которой разъяснилъ всю ихъ важность и значеніе. Въ частности по поводу „Вопросовъ жизни" Пирогова Ушинскій высказался такъ: „Припомните, читатели, что это говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ Европы, который много жилъ, много думалъ, много чувствовалъ, много видѣлъ человѣческихъ страданій, наблюдалъ человѣка въ тѣ минуты, когда спадетъ съ него всякая маска, всякій оттѣнокъ притворства и тщеславія, что это говоритъ человѣкъ, который видѣлъ, какъ страдаютъ и умираютъ люди,—и вы придадите этимъ простымъ, такъ откровенно юношескимъ словамъ глубокое значеніе. По всему видно, что вначалѣ эта статья была писана не для публики; но именно этато непосредственность и придаетъ ей особенное значеніе: она вырывается здѣсь сама изъ души, много пережившей и перечувствовавшей, много любившей и много любящей..." „Въ Н. И. Пироговѣ мы видимъ то высокое мудрое дѣтство души, которое дается всѣмъ, но сохраняютъ которое весьма немногіе, и которое большею частью утрачивается въ самомъ раннемъ дѣтствѣ".

Самъ Ушинскій въ неменьшей, если только не въ большей мѣрѣ, обладалъ „дѣтствомъ души". Статьями „О пользѣ педагогической литературы" и „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи" Ушинскій сразу поставилъ себя въ рядъ первоклассныхъ педагоговъ. Главное достоинство этихъ статей заключается въ томъ, что онѣ, помимо своего глубокаго психологическинаучнаго содержанія, отличаются замѣчательной жизненностью. Въ статьяхъ этихъ сказался уже не просто педагогъ, а педагогъ русскій, національный.

Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, „О народности въ общественномъ воспитаніи“, „Нравственный элементъ въ русскомъ воспитаніи“, „Родное Слово“, Ушинскій подробно развилъ цѣлую теорію національнаго воспитанія. Въ первой статьѣ онъ высказалъ свою точку зрѣнія на народность въ воспитаніи въ слѣдующихъ словахъ: „Есть одна общая для всѣхъ прирожденная наклонность, на которую всегда можетъ разчитывать воспитаніе: это то, что мы называемъ народностью. Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, такъ нѣтъ человѣка безъ любви къ отечеству, и эта любовь даетъ воспитанію вѣрный ключъ къ сердцу человѣка и могущественную опору для борьбы съ его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь къ народности, воспитаніе всегда найдетъ отвѣтъ и содѣйствіе въ живомъ и сильномъ чувствѣ человѣка, которое дѣйствуетъ гораздо сильнѣе убѣжденія, принятаго однимъ умомъ, или привычки, вкорененной страхомъ наказаній. Вотъ основаніе того убѣжденія, которое мы высказали выше, что воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть народнымъ“.

Космополитовъ, отрицающихъ народность, Ушинскій называетъ утопистами. Въ противоположность ихъ отвлеченнымъ, оторваннымъ отъ жизни и исторіи мечтаніямъ, Ушинскій категорически заявляетъ, что народность является до сихъ поръ единственнымъ источникомъ жизни въ исторіи. По выраженію Ушинскаго, „народъ безъ народности — тѣло безъ души, которому остается только подвергнуться закону разложенія и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою собственность“. „Общественное воспитаніе, которое укрѣпляетъ и развиваетъ въ человѣкѣ народность, развивая въ то же время его умъ и его самосознаніе, могущественно содѣйствуетъ развитію народнаго самосознанія вообще; оно вноситъ свѣтъ сознанія въ тайники народнаго характера и оказываетъ сильное и благодѣтельное вліяніе на развитіе общества, его языка, его литературы, его законовъ... словомъ, на всю его исторію“.

III.

Національное чувство укрѣпляется и развивается религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, которое Ушинскій считаетъ болѣе важнымъ для человѣка, чѣмъ образованіе умственное. „Мы смѣло высказываемъ убѣжденіе, пишетъ онъ, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ“.

Не считая нравственность необходимымъ послѣдствіемъ учености и умственнаго развитія, Ушинскій тѣмъ не менѣе признаетъ, что воспитаніе семейное и общественное, вмѣстѣ съ вліяніемъ ли-

тературы, общественной жизни и другихъ общественныхъ силъ, можетъ имѣть сильное и рѣшительное вліяніе на образованіе нравственнаго достоинства въ человѣкѣ.

При этомъ самымъ сильнымъ импульсомъ въ нравственномъ развитіи человѣческой личности Ушинскій считаетъ религію, особенно христіанскую. Въ противоположность господствовавшему въ 60-е годы матеріалистическому ученію, желавшему видѣть всю жизнь человѣка свободной отъ религіознаго вліянія, Ушинскій считаетъ немыслимою такую жизнь и горячо защищаетъ религіозно-христіанское воспитаніе.

Для Ушинскаго благотворное вліяніе христіанской религіи наиболѣе ощутительнымъ является въ исторіи и жизни русскаго народа. „Взгляните въ самую глухую русскую деревню, отдѣленную отъ остальнаго міра непроходимыми лѣсами и болотами (такихъ деревень не мало, напримѣръ, въ Новгородской губерніи), и вы не найдете тамъ почти никакихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи; но тѣмъ не менѣе замѣтите въ характерѣ жителей много природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства, которые, можетъ быть, тѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе. Это сильно образующее вліяніе христіанства идетъ, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда наши первые, святые сподвижники христіанской истины, смѣло углубляясь съ своею могучею проповѣдью въ глушь болотъ и лѣсовъ, полагали въ души языческихъ племенъ святыя сѣмена. Подъ вліяніемъ этой личной, сильно говорящей сердцу проповѣди, выражавшейся не только въ словахъ, но и въ истинно-подвижнической жизни, христіанскіе элементы совершенно срослись въ душѣ русскаго съ его славянскимъ характеромъ и навсегда извлекли его изъ дикой жизни, и такимъ образомъ внесли новый элементъ, славянскій, въ сферу европейской исторіи“.

Хотя съ теченіемъ времени образовательное вліяніе христіанской религіи значительно ослабѣло, и въ настоящее время христіанскія правила жизни передаются отъ отца къ дѣтямъ и внукамъ по традиціи, какъ только святое преданіе, тѣмъ не менѣе въ народной жизни вліяніе христіанства не можетъ быть оспариваемо. „Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы великаго поста и страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто русскаго семейства“ [1]).

---

[1]) Въ противовѣсъ тѣмъ литераторамъ, которые жизнь нашего дворянства представляютъ исключительно только въ мрачныхъ, чтобы не сказать больше, крас-

Такимъ образомъ, христіанскія истины, такъ тѣсно соединенныя съ лучшими особенностями славянской природы, образовали особый русско-христіанскій характеръ, и національное воспитаніе нельзя иначе и представить себѣ какъ только христіанскимъ. И Ушинскій убѣжденно говоритъ, что русская школа должна быть христіанской: „Мы желали-бы, чтобы не желѣзныя дороги, не промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею своей грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, разсчитывающая на трудовой грошъ крестьянина, а *церковь* и *школа*, не разрушая, а освящая и озаряя свѣтомъ мысли и чувства семейный бытъ и оставляя ему то, что принадлежитъ по праву всякому христіанскому семейству, вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человѣчества".

Завѣдывать школою, по убѣжденію Ушинскаго, можетъ только истинный христіанскій воспитатель, истинный педагогъ по убѣжденіямъ, по цѣли, по знаніямъ и искусству. Въ строго-христіанскомъ духѣ должно вести воспитаніе не только въ начальныхъ школахъ, но и въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ этихъ школахъ воспитаніе и образованіе должно основываться на началахъ православно-христіанскихъ.

IV.

Воспитательно-образовательнымъ орудіемъ, чрезъ которое семья и школа развиваетъ въ дѣтяхъ всѣ духовныя силы, является родное слово, которому Ушинскій посвящаетъ одну изъ самыхъ блестящихъ статей. Не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ трудно найти сочиненіе, въ которомъ бы значеніе родного слова было уяснено такъ глубоко, живо и отчетливо. Въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно педагогическихъ, эта статья должна

кахъ, Ушинскій, не желая брать подъ свою защиту дѣйствительно печальныя явленія, отмѣчаетъ и такія свѣтлыя стороны въ бытовой жизни русскихъ помѣщиковъ: «Перечисляя прекрасныя, отрадныя черты въ семейномъ воспитаніи нашего дворянскаго класса, мы, конечно, не можемъ пропустить той простой, теплой религіозности, которую и теперь еще можно встрѣтить въ большей части нашихъ дворянскихъ семействъ, за исключеніемъ немногихъ, ударившихся или въ модное невѣріе, или въ гнусное ханжество. Эта религіозность рѣдко, правда, бываетъ вполнѣ сознательна, часто слишкомъ придерживается формы, но тѣмъ не менѣе глубоко западаетъ въ дѣтское сердце и иногда, пролежавъ въ немъ долго подъ разными туманными, еще менѣе сознанными теоріями и блестящими фразами, пробуждается потомъ вновь съ необыкновенною силою».

быть тщательно изучаема и въ лучшихъ выдержкахъ заучиваема наизусть.

Въ глазахъ Ушинскаго языкъ народный—лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ, пишетъ Ушинскій, одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства, голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ.

Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа страны, но и вся исторія духовной жизни народа. „Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь“... „Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ“... „Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда уже болѣе не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда; вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ“.

„Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усвоивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усвоиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ или жившихъ, можетъ быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а гдѣ-нибудь у подошвы Гималая. Все, что видали, все, что испытали, все, что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только-что

открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ."

„Но этотъ удивительный педагогъ, родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу." „Усвоивая родной языкъ, ребенокъ усвоиваетъ не одни только слова и сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка,—и усвоиваетъ легко и скоро, въ два-три года столько, что и половины того не можетъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ—родное слово."

Для того, чтобы родное слово выполняло свою воспитательно-образовательную роль съ полнымъ успѣхомъ, нужно, чтобы школа находилась въ рукахъ опытныхъ учителей. Мысль о достойныхъ руководителяхъ русской школы была излюбленной мыслью Ушинскаго, и ее онъ высказываетъ много разъ. „Прежде всего и болѣе всего, пишетъ онъ, наше народное воспитаніе нуждается въ людяхъ, способныхъ къ этому великому дѣлу, нуждается въ народныхъ учителяхъ,—народныхъ не потому только, что они учатъ народъ и въ народныхъ школахъ, а потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собою его лучшія, характеристическія свойства и его чистѣйшія привязанности и просвѣтили эти свойства и привязанности истинно-христіанскимъ, европейскимъ образованіемъ. Народные учителя нужны намъ прежде всего и болѣе всего. Но для отысканія средствъ, какъ приготовить такихъ учителей, мы можемъ безъ стыда обратиться за опытами и указаніями къ нашимъ старшимъ братьямъ въ дѣлѣ образованія. Заимствуя устройство учительскихъ семинарій у Германіи и Англіи, мы, конечно, должны подражать имъ и въ томъ, чтобы эти семинаріи приготовляли дѣйствительно народныхъ наставниковъ, т. е. такихъ, которые бы не вносили разлада въ народную жизнь и невѣрія въ народное сердце."

Въ своихъ письмахъ изъ Швейцаріи, явившихся плодомъ изученія школьнаго дѣла въ Швейцаріи, въ которой Ушинскій пробылъ во время своего заграничнаго путешествія (1862—1867 г.) большую часть времени, онъ такими словами заканчиваетъ характеристику осмотрѣнныхъ имъ швейцарскихъ учительскихъ семинарій: „Боже мой!—думалъ я про себя—вспомнивъ многія наши полу-иностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя русскія воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ—такія же типическія русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа!“.

А въ одномъ изъ своихъ писемъ на родину онъ излилъ свои мысли и чувства по этому же вопросу въ слѣдующихъ строкахъ: „Теперь именно настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные, и много много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи,—и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидастъ“...

Въ статьѣ „Проектъ учительской семинаріи“ Ушинскій подробно рисуетъ тотъ идеалъ, къ которому должно стремиться и который долженъ проводиться въ жизнь спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеній. По его мнѣнію, „семинарія должна не только вложить въ своихъ воспитанниковъ благороднѣйшія педагогическія стремленія, но и сумѣть поддержать эти стремленія, въ какую бы глушь судьба ни забросила ея воспитанниковъ“.

V.

Успѣхъ школьнаго обученія зависитъ не отъ личности только учителя, но и отъ тѣхъ книгъ, которыя приняты школою въ качествѣ учебниковъ и учебныхъ пособій. Наша дореформенная школа была крайне бѣдна учебными книгами. Особенно большой недостатокъ чувствовался въ такъ называемыхъ хрестоматіяхъ, по которымъ въ низшихъ училищахъ учащіеся получаютъ элементарныя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ знанія. Тѣ книги для класснаго чтенія, которыя издавались для низшихъ школъ, страдали однимъ очень важнымъ недостаткомъ: онѣ составлялись наугадъ и нисколько не были приспособлены къ дѣтскому духовному

міру. Въ одной изъ своихъ статей Ушинскій, сказавъ о сложности и трудности задачи при составленіи книги для класснаго чтенія, иронически замѣчаетъ: „Конечно, иные ее разрѣшаютъ весьма легко: наберутъ изъ разныхъ дѣтскихъ журналовъ стиховъ да басенокъ, вырѣжутъ пять, шесть страницъ изъ такой знаменитой исторической писательницы, какова г-жа Ишимова, вставятъ нѣсколько молитвъ, въ заключеніе всего приведутъ народный гимнъ, и книга готова. И скоро и хорошо!“

Мысль о составленіи школьной хрестоматіи стала занимать Ушинскаго, какъ только онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности сначала въ Гатчинскомъ, а потомъ въ Смольномъ институтѣ (1855—1862 г.). Въ 1861 году онъ издалъ „Дѣтскій Міръ“, который былъ встрѣченъ и обществомъ и печатью весьма сочувственно. Въ большинствѣ рецензій отмѣчалось, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ничего однороднаго съ книгою Ушинскаго, что могло бы выдержать съ нею хоть какое-нибудь сравненіе.

Главное достоинство „Дѣтскаго Міра“ состоитъ въ томъ, что въ немъ весьма значительное мѣсто отведено статьямъ по природовѣдѣнію. Значеніе этихъ статей прекрасно выяснено Ушинскимъ въ предисловіи къ книгѣ. „Дитя, начинающее учиться, пишетъ онъ, должно не только понимать то, что читаетъ, но правильно и зорко смотрѣть на предстоящій предметъ, замѣчать его особенности, словомъ—учиться не только думать, но и созерцать, и прежде даже созерцать, чѣмъ думать“. Кромѣ того, Ушинскій, по его собственному признанію, старался воспользоваться наглядною логикою природы съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу довести ученика до логическихъ отвлеченностей. „По моему убѣжденію, говоритъ онъ, логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для дѣтей“.

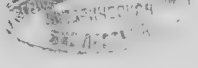
Еще больше значенія въ русской учебно-педагогической литературѣ имѣетъ „Родное Слово“, изданное Ушинскимъ въ 1864 г. Какъ показываетъ заглавіе книги, составитель ея руководствовался тѣми идеями, которыя онъ высказалъ въ своей знаменитой статьѣ „Родное слово“. И дѣйствительно, книжки „Родное Слово“ Ушинскаго имѣютъ чисто народный характеръ. Читая эти книжки, ребенокъ глядитъ на предметъ „дѣтски-зоркими глазами народа и выражается его мѣткимъ словомъ, вѣрнымъ духу народнаго языка, хотя разрывающимъ часто всякія грамматическія путы“. Благодаря „Родному Слову“ русскія дѣти, справедливо писалъ педагогъ Бѣляевскій, „полюбятъ деревню, свой домъ, полюбятъ церковь, отечество настолько, насколько возможна сознательная любовь дитяти къ этимъ основамъ жизни народной и общечеловѣческой“.

Изданное Ушинскимъ „Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“ было въ русской педагогической литературѣ въ пол-

номъ смыслѣ откровеніемъ, положившимъ конецъ нашей старинной школѣ. Руководство Ушинскаго вмѣстѣ съ „Роднымъ Словомъ“ реформировало русскую начальную школу во всѣхъ отношеніяхъ; оно уничтожило скуку и внесло въ школу жизнь, интересъ и веселье. Знаменитый Монтэнь сказалъ въ своихъ „Опытахъ“: „Я бы велѣлъ нарисовать на стѣнахъ школы Радость, Веселость, Флору и Грацій, какъ это сдѣлалъ въ своей школѣ философъ Спевзиппъ“. Ушинскій сдѣлалъ неизмѣримо больше; онъ не словами, а дѣломъ обратилъ школу изъ дома дѣтскихъ слезъ и скуки въ домъ веселья и радости.

Но „Родное Слово“ и руководство къ нему оживили не одну только школу; они внесли духъ и въ материнскую школу, давъ русской образованной женщинѣ возможность обучать своихъ дѣтей первоначальной грамотѣ дома. Самъ Ушинскій придавалъ домашнему обученію дѣтей огромное значеніе „Я желалъ бы отъ всей души,—говоритъ онъ,—чтобы на моей родинѣ развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости“.

Вполнѣ присоединяясь къ этой мечтѣ великаго русскаго педагога-реформатора, пожелаемъ, чтобы русскія матери не ограничивались однимъ только обученіемъ своихъ дѣтей грамотѣ, но и проникались духомъ тѣхъ педагогическихъ завѣтовъ, которые Ушинскій оставилъ въ своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ [1]).



[1]) Самымъ важнымъ и капитальнымъ сочиненіемъ Ушинскаго является его двухтомное сочиненіе «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія».

Сочиненія А. С. Рождествина.

Изъ отзывовъ печати.

А. С. Пушкинъ—первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899. Ц. 20 к.

Г. Рождествинъ охарактеризовалъ довольно обстоятельно русскихъ писателей до Пушкина съ цѣлью доказать, что до него у насъ народной поэзіи не было. Русская земля ждала *своего* поэта.... Совершенно вѣрно указано значеніе Карамзина въ поворотѣ Пушкина къ «родному»... Совершенно справедливо указано также, насколько въ изображеніи русской жизни Пушкинъ былъ выше своихъ предшественниковъ... Рядомъ образовъ, живыхъ и правдивыхъ, авторъ удачно доказываетъ народность Пушкина. (*Сиповскій, В. В.* Пушкинская юбилейная литература. Спб. 1901. Стр. 223).

П. Д. Шестаковъ. Очеркъ жизни и педагогической дѣятельности Съ портретомъ, автографомъ и полнымъ библіографическимъ указателемъ сочиненій П. Д. Шестакова. Казань. 1907. Ц. 75.

Съ большимъ интересомъ читается очеркъ жизни и педагогической дѣятельности бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова. Особенно занимательны страницы, которыя рисуютъ прошлое, но столь родственное настоящему, что эти страницы и сейчасъ не могутъ быть намъ безразличны. (*Казанскій Телеграфъ*. 1907 г. № 4252).

Упрощеніе русскаго правописанія. Казань 1908. Ц. 15 к.

Поэзія Тургенева. Казань 1903. Ц. 15 к.

Небольшія брошюры Рождествина являются очень содержательными. Первая изъ нихъ носитъ полемическій характеръ: авторъ относится отрицательно къ такъ называемому «упрощенію» русскаго правописанія, весьма резонно замѣчая, что дѣло вовсе не въ трудности изученія яти, но въ неправильной постановкѣ преподаванія русскаго языка.

Вторая брошюра «Поэзія Тургенева» посвящена оцѣнкѣ Тургенева, какъ художника и поэта. И она отличается вѣрностью и основательностью сужденія и читается съ интересомъ. (*Литер. Приложе.* «*Нивы*» 1908 г. № 12).

II

Личность и творчество Гоголя. Съ портретомъ Гоголя и библіографическимъ указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Изд. 2-е, значительно дополненное. Казань. 1909. Ц. 25.

Намъ уже приходилось встрѣчать въ русской критико-библіографической литературѣ имя А. Рождествина. Подобно прежнимъ работамъ автора, эта новая книга написана очень живо, обстоятельно и документально; она хорошо знакомитъ читателя съ жизнью и творчествомъ знаменитаго автора «Мертвыхъ Душъ». (*Литературн. Прилож.* «*Нивы*» 1909 г. № 7).

Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900. Ц. 30 к.

Въ концѣ 1899 и началѣ 1900 года въ нашей газетѣ былъ напечатанъ рядъ статей А. С. Рождествина о современной средней школѣ, «въ виду реформы этой школы». Статьи эти, возбудившія въ нашихъ читателяхъ большой интересъ, были изданы авторомъ отдѣльной книгой. Намъ пріятно отмѣтить, что мысли, высказанныя нашимъ постояннымъ сотрудникомъ, раздѣляются и другими органами печати, какъ общими, такъ и педагогическими. (*Казанскій Телеграфъ* 1901 г. № 2519).

Авторъ горячо принимаетъ къ сердцу интересы школы и указываетъ на многіе существенные недостатки ея современной организаціи. Сущность его воззрѣній живо выражена въ заключительныхъ строкахъ брошюры. (Цитируются двѣ послѣднія страницы). («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1900, № 16).

«Мысли о недостаткахъ средней школы, изложенныя очень простымъ и яснымъ языкомъ, расположены авторомъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ какъ г. Рождествинъ, сверхъ того, очевидно очень близко принимаетъ къ сердцу интересы и судьбы средняго образованія въ Россіи и знакомъ со всѣмъ, что появлялось по этому поводу въ печати, то, по нашему мнѣнію, весьма естественно, что многіе его читатели выражали желаніе, чтобы статьи, предварительно напечатанныя въ «Казанскомъ Телеграфѣ», были изданы отдѣльной брошюрой. (Русская Мысль. 1901 г., кн. I.)

«Съ первыхъ страницъ брошюры въ авторѣ виденъ искренно любящій и понимающій дѣло воспитатель. Въ сжатыхъ очеркахъ, составляющихъ отдѣльныя главы книжки, г. Рождествинъ останавливается на всѣхъ важнѣйшихъ недочетахъ нашей средней школы и указываетъ желательный путь, по которому они могутъ быть устранены изъ строя школы». («Волгарь». 1900, № 63).

«Изъ приведенныхъ заголовковъ книги уже видно, какіе живые вопросы затрогиваются и обсуждаются въ ней. А если взять во вниманіе, что мысли автора являются плодомъ тщательныхъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ нашею среднею школой, какъ мужской, такъ и женской, то интересъ читателя къ обсуждаемымъ въ брошюрѣ вопросамъ еще болѣе увеличивается. Дѣйствительно, въ указаніи существующихъ недостатковъ нашей средней школы и въ оцѣнкѣ установившагося въ ней строя нельзя отка-

зать автору въ мѣткости и дѣльности сужденій. (Народное Образованіе» 1900, кн. 3).

«Въ книжкѣ собраны газетныя статьи. Писалось о томъ, что наболѣло; говорилось то, что думалось и передумывалось. Въ книжкѣ мы встрѣтили не мало мыслей, которыя слѣдуетъ повторять и повторять громко.» («Педагогическій Сборникъ.» 1900, кн. 3).

Авторъ весьма кстати собралъ свои статьи и выпустилъ ихъ въ видѣ брошюры. Чѣмъ больше голосовъ будетъ раздаваться по этому вопросу, тѣмъ лучше можетъ быть разрѣшена задача, поставленная учебной комиссіи, созванной по почину министерства народнаго просвѣщенія... Какъ видитъ читатель по цитатамъ, книга написана серьезно. Пожелаемъ, чтобы она была прочитана и тѣми, на кого русское общество возлагаетъ, и недаромъ, столько надеждъ. («Русская Школа». 1900, кн. 3).

Императоръ Александръ II. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ и 30-лѣтію мученической кончины Царя-Освободителя. 19 февраля 1861—1911 и 1 марта 1881—1911 г. Съ иллюстраціями и стихотвореніями, посвященными Императору Александру II. Казань 1911 г. Ц. 25.

Авторъ въ своей работѣ широко пользуется выдержками изъ манифестовъ, писемъ и рѣчей Государя, донесеніями его сподвижниковъ и мемуарами. Въ частности, г. Рождествинъ удѣляетъ особое вниманіе вопросу о народномъ образованіи и печати при Александрѣ II и приводитъ отрывочныя, но интересныя данныя, касающіяся Казани, какъ центра инородческаго просвѣщенія.

Очеркъ написанъ съ должнымъ одушевленіемъ и дѣлаетъ понятнымъ то обаяніе, какое всегда вызывала личность Царя-Преобразователя. Съ особымъ подъемомъ написана вся заключительная глава о мученической кончинѣ Царя и его завѣтахъ русскому народу. Съ этой стороны брошюру г. Рождествина можно признать желательной для школы. Цѣна прилично изданной книги не высока. («Начальное Обученіе» 1910 г. № 12 (декабрь).

Особую цѣну и значеніе имѣютъ книги и брошюры, освѣщающія свѣтомъ правды великій историческій моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. А. С. Рождествинъ превосходно справился съ поставленной задачей. Желаемъ его труду широчайшаго распространенія среди народныхъ массъ. Земства нравственно обязаны пріобрѣсти это изданіе для народныхъ школъ, библіотекъ и читаленъ. То же слѣдовало бы сдѣлать и учебному округу для распространенія среди учащихся въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. («Казанскій Телеграфъ» 1911 г. № 5324).

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Вопросъ о среднемъ образованіи въ Западной Европѣ и Россіи. Казань. 1890. Ц. 20 к.

Страданія Господни и современное невѣріе. Казань. 1896. Ц. 20 к.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ *одобрена* къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Св. Стефанъ Великопермскій и его просвѣтительно-миссіонерская дѣятельность. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1896. Ц. 10 к.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ *одобрена* къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Имѣется изданіе этой книжки на татарскомъ, чувашскомъ и вотскомъ языкахъ. (Изд. Прав. Мис. Общ.).

Художественная критика. Воронежъ. 1897. Ц. 15 к.

Просвѣтительная дѣятельность Императрицы Екатерины II. Казань 1897. Ц. 15 к.

А. С. Пушкинъ—первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899. Ц. 20 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *допущена* въ ученич. библіотеки низшихъ училищъ, таковыя же младш. возраста средн. учебн. заведеній и въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900. Ц. 30 к.

Н. И. Ильминскій и его система инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ. Съ портретомъ Ильминскаго. Казань. 1900. Ц. 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. *допущена* въ библіотеки учительскихъ институговъ, семинарій и учительскія библіотеки инородческихъ школъ, а также въ безплатныя библіотеки и читальни.

Учебн. Ком. при Св. Синодѣ *одобрена* для ученич. библіотекъ тѣхъ духовныхъ семинарій, въ которыхъ преподаются противо-мусульманскіе предметы.

Вл. С. Соловьевъ какъ поэтъ. Казань. 1901. Ц. 10 к.

О христіанскомъ милосердіи. Москва. 1900. Ц. 20 к.

Николай Ивановичъ Пироговъ какъ педагогъ. Казань. 1902. Ц. 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. *допущена* въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. заведеній.

Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902 Ц. 20 к.

Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. Ц. 35 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія, старшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, и библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Воспитаніе и обученіе съ точки зрѣнія опытной психологіи (По Уильяму Джемсу). Казань. 1903. Ц. 15 к.

Родной языкъ какъ основа школьнаго обученія. Казань. 1903. Цѣна 10 коп.

Семь словъ Христа Спасителя со креста. Казань. 1903. Ц. 10 к.

Книги по обученію русскому языку въ инородческой школѣ. Историко-критическій обзоръ. Казань. 1905. Цѣна 25 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ. Очеркъ жизни и педагогической дѣятельности. Съ портретомъ, автографомъ и полнымъ библіографическимъ указателемъ сочиненій П. Д. Шестакова. Казань. 1907. Ц. 75 к.

Упрощеніе русскаго правописанія. Казань. 1908. Ц. 15 к.

Поэзія Тургенева. Казань. 1908 г. Ц. 15 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія внесена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Личность и творчество Гоголя. Съ портретомъ Гоголя и библіографическимъ указателемъ важнѣйшихъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Казань. 1909. Ц. 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія внесена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Поэзія Некрасова. (Оттискъ изъ «Педагогическаго Сборника». 1903 г. № 3). Ц. 20 к.

Ѳ. И. Тютчевъ. Жизнь и поэзія. (Оттискъ изъ «Педагогич. Сборн.» 1904 г. № 3). Ц. 15 к.

В. Н. Витевскій. Съ портретомъ. (Оттискъ изъ Трудовъ Оренбургской Архивной Комиссіи. Вып. XIX. 1907 г.). Ц. 10 к.

Семья и школа въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого. (Оттиски изъ «Педагогич. Сборн.» 1908 г. №№ 11 и 12). Ц. 30 к.

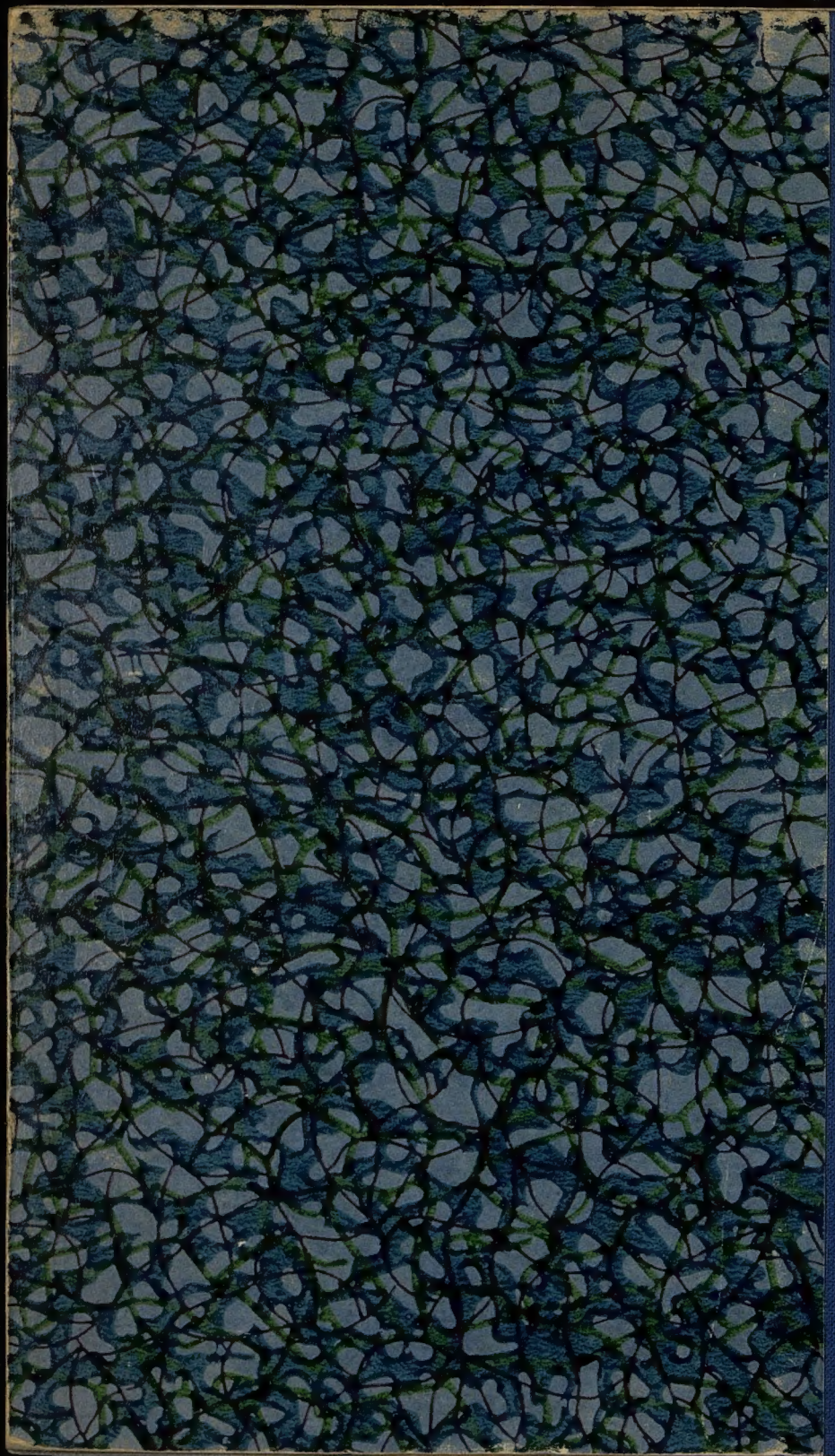
Педагогическій сантиментализмъ. Казань. 1910 г. Ц. 10 к.

Теорія образованія при свѣтѣ современной науки. (Оттискъ изъ «Начальнаго Обученія». 1909 г. № 8. Ц. 10 к.

Поэзія Кольцова. Казань 1910 г. Ц. 15 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія внесена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Императоръ Александръ II. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ и 30-лѣтію мученической кончины Царя-Освободителя. 19 февраля 1861—1911 и 1 марта 1881—1911 г. Съ иллюстраціями и стихотвореніями, посвященными Императору Александру II. Казань 1911 г. Ц. 25 коп.

Продаются въ *Казани* въ книжныхъ магазинахъ бр. Башмаковыхъ, Маркелова и Шаронова. Въ *Петербургѣ* въ магазинахъ Тузова и «Новаго Времени». Въ *Москвѣ* въ магазинахъ «Новаго Времени» и бр. Башмаковыхъ.

Цѣна 10 коп.